

Так начинался сад. Фото 1925 г.

«...место точь-в-точь вчерашнее: вон и голубятня торчит, но гумна не видно. «Нет, это не то место. То, стало быть, подальше; нужно, видно, поворотить к гумну!» Поворотил назад, стал идти другою дорогою — гумно видно, а голубятни нет!»

Н.В.ГОГОЛЬ.
«Заколдованное место».

ПОТЕРЯННЫЙ САД

«Поименованные места» или топонимы рождаются не просто. Они, как жемчужины на морском дне, есть не в каждой раковине и их никогда не бывает слишком много. Если жемчуг полирует моллюск, то топоним — время. В старину понимали это и не меняли раз данных названий, пусть даже Гусиные хляби на Светлый путь. Бог знает, как они догадывались, что обычное вроде бы название — Обруб или Арбат, или Таганка — пропитаются за десятилетия музыкой тысяч голосов, соединятся с духом живших в этих местах людей (великих и не очень), становясь самой звучной мелодией, какую может создать человеческий язык.

В нашем случае «поименованное место» носит название — сад Шкроева. Сад широко известный в 40–60-е годы и настолько забытый ныне, что известный томский историк-краевед В.Д.Славнин не смог отыскать его, имея на руках все необходимые координаты. Вот что он пишет в книге «Томск сокровенный»:

«Та же печальная участь постигла и плодовый сад А.И.Шкроева. Многие годы он совмещал преподавание в томских вузах со страстным увлечением садо-

водством. Но пришла смерть и взяла с собой не только Алексея Ивановича, но и возделанный им участок. Сейчас и не вспомнить, где находились «шкроевские делянки»; только приблизительно указывают некоторые старые томичи: где-то на четной стороне улицы Белинского, на подъеме к елани. Такая вот история».

Спешу порадовать уважаемого Витольда Донатовича: не исчез бесследно шкроевский сад. Подзарос, правда, черемухой, сиренью, крапивой, вернулся в девственное природное состояние. Но по-прежнему чуден весной его аромат, витающий над исковерканными тротуарами улицы Белинского.

И уж коли повели мы о нем речь, хочу сразу заинтриговать читателя тем, что не был А.И.Шкроев основателем сада, с которым так прочно слилось его имя. Ибо в то время он был двадцатилетним студентом физико-математического факультета Томского университета, самозабвенно занимался своей любимой астрономией и едва ли интересовался садоводством.

Другой, более зрелый человек осуществлял здесь свои мечты и замыслы. Получил участок, раскорчевал лес. Свез из разных уголков Сибири и Дальнего Востока семена и саженцы дальневосточного винограда, манчжурского ореха, амурской сирени, барбариса, хмеля, алтайской вишни, сливы, облепихи и многого другого. Концентрируя в одном месте плодовый

и ягодный генофонд Сибири, он создавал фундамент для последующей селекционной работы.

Звали его Станислав Клементьевич Майковский. О нем и пойдет речь, но чтобы полнее было наше представление об этом человеке, начать рассказ придется изда-лека.

СЕСТРЫ САПИЦКИЕ

Более ста лет тому назад, 21 августа 1892, года в городе Минске в фотоателье Миранского и Левинмана снялись на память две девочки-гимназистки. Девочек звали Мариамна и Лидия. Они сестры,

Мариамна и Лидия Сапицкие. 1892 г.

дочери преподавателя гимназии Семена Гавриловича Сапицкого; Мариамне десять лет, Лида на год младше. Сестры обладали совершенно разными темпераментами. Мариамна, которую дома звали Марусей, всегда была спокойна, выдержанна и не спешила начинать дело, не обдумав все хорошенько. Но уж решив за что-то взяться, проявляла твердость, волю и сильный характер. Лидия – напротив, натура мятежная, взрывная, быстро загоралась, но ей часто не хватало целеустремленности. Лидия всегда находилась под молчаливым, незаметным на первый взгляд, но полным покровительством старшей сестры, а после смерти матери в том же 1892 году оно стало еще более ощутимым.

Материальное положение семьи никогда не было блестящим, а к 1895 году оно значительно ухудшилось в связи с прогрессирующей у отца болезнью глаз, вынудившей его оставить работу учителя гимназии. Отец пробовал работать кассиром, поступал на чиновничью службу, но эти попытки не увенчались особым успехом, поэтому сестры начали подрабатывать репетиторством. А так как на плечах Мариамны лежало ведение домашнего хозяйства, то проявляла себя на педагогическом поприще в основном Лида. Ее альбом полон фотокарточек учениц со словами благодарности на обороте. Ей нравилось учить.

Судьба Лидии не будет простой и ровной. Она вышла замуж за студента-юриста Московского Императорского университета Александра Островского. Сначала они жили в Москве, затем мужа направили на дипломатическую работу: Иран, Афганистан, Ирак. Лидия была вместе с ним. Их сын Сергей, кронштадтский матрос, погиб на линкоре «Марат». Потеряв и мужа, она оказалась в Сибири и 30 с лишним лет преподавала в начальных школах сел Коларово, Кафтанчиково, Протопопово. Вот отрывок из ее письма от 2 ноября 1953 года, в котором она поздравляет внучку Мариамны Лию Шкroeву с днем рождения:

«Очень жаль, что не могу сама приехать и поздравить лично. Дело в том, что у меня нет валенок, т.е. они есть, но обе пары без подошв. Вера обещала увезти мои валенки в город и отдать мастеру для надшивки. Она продаст орехи и заплатит за подшивку, а я, когда получу пенсию, уплачу ей. Вера купила здесь себе валенки, заплатила часть деньгами и часть картошкой. Дорога теперь очень убродная, т.ч. сейчас ехать невозможно. Посылаю тебе облигацию на счастье, может быть, и выиграешь».

Всю жизнь сестры будут тянуться друг к другу, линии их судеб часто пересекаются и идут рядом. Сначала кров родительского

Мариамна Сапицкая и Станислав Майковский. Снимки 1902 г.

дома в Минске, потом Лидия вытягивает Мариамну с мужем из Сибири, потом сама едет следом за ней в Сибирь... И оканчивают они свой жизненный путь снова под одной крышей – в доме, который до сей поры стоит в шкroeвском саду...

СТАСЬ МАЙКОВСКИЙ

В 1902 году Мариамна Сапицкая познакомилась со Стасем Майковским, тогда бравым выпускником военного училища. Он был высок ростом, широк в плечах, чрезвычайно силен физически и вынослив; затруднений с учебой, судя по всему, не испытывал. Однако военная служба была ему не по душе. На военной карьере сына настаивал отец, Клемент Майковский происходил из мелкопоместной шляхты и имел несколько десятин земли в Новогрудском уезде Городичанской волости, большая часть которой представляла собою плодовый сад, выращенный по канонам европейского садоводческого искусства того времени. При саде имелись небольшая оранжерея и тепличное хозяйство. Отец не дождал до окончания сына военного училища, и оставшись без его указующего давления, сын решает изменить свою судьбу. Выпустившись прапорщиком, Станислав тотчас подает в отставку, после чего устраивается статистиком в отделение Либаво-Роменской железной дороги. В 1903 году он и Мариамна становятся мужем и женой.

Майковский не избежал всеобщего для тогдашней молодежи увлечения революцией. В 1905 году принял участие в забастовке на железной дороге, в результате – тюрьма, следствие, суд и трехлетняя ссылка в Нарымский край, куда вслед за ним отправилась и жена. В ссылке с 1905 по 1908 годы Станислав работал помощником землемера, благо военное образование дало ему знание картографии и основ геодезии, что и пригодилось теперь для заработка.

Видимо, на время ссылки пришлось и переосмысление жертвенных лозунгов революции. В 1908 году Станиславу исполнилось двадцать семь, пора было определиться в жизни, получить профессию, вырастить свой сад – в самом прямом смысле, без иносказаний. Эта мечта приобретала для Станислава все более четкие очертания и требовала воплощения.

После окончания срока ссылки Майковские переезжают в Москву, куда их звала сестра Мариамны, и там Станислав поступает в Константиновский Межевой институт, сразу на два факультета: агрономический и землемерный. Обучение было вечерним. Это позволяло работать, чтобы содержать семью и платить за институт.

В 1909 году у Майковских родилась дочь, ее назвали Галей. Крестной матерью была Лидия Островская.

Уже в это время Станислав Клементьевич покупает огромное количество литературы по садоводству, которая стала началом его замечательной библиотеки.

Боже мой, какое убожество представляют собой наши современные издания по садоводству по сравнению с дореволюционными, какая бедность выдумки и отсутствие разнообразия! Читаешь старые журналы и диву даешься: сколько их было по России. Взять хоть «Саратовский садовод» – иллюстрированный журнал саратовского общества садоводов, хоть ежемесячный журнал «Сельскохозяйственный листок» островского общества сельского хозяйства. А где он, этот Островск? Да где-то под Псковом. Господи, да там сейчас районной газеты не выходит, не то что специального журнала. Сотни изданий – во всех городах и во всех дореволюционной

Формирование 31-го Сибирского стрелкового полка. Томск, 1914 г.

России... Вот беру в руки подшивку журнала «Прогрессивное садоводство и огородничество» за 1914 год, в каждом номере – обязательное сообщение с рынков столиц. И трудно не удивиться разнообразию овощей и фруктов, не импортных, привезенных из–за тридцати земель, а выращенных в российских садах. Были прекрасные сады в Орловской, Курской, Псковской губерниях, под Москвой, в Таганроге, Астрахани, Казани... Помните «Антоновские яблоки» Ивана Бунина? Это ведь не только чудесная, завораживающая проза, это правда жизни того времени: мужики, везущие полные телеги яблок, укрытых рогожей, на станцию.

Вот что пишет сам С.К. Майковский о дальнейших событиях своей жизни: «В 1909 году окончил институт и оставлен при Московской землеустроительной комиссии пом. землемера в партии инженера Иванова. В 1910 году был назначен и.о. землемера и выполнил большую работу по разверстыванию подмосковного села Хорошово на хутора. В 1911 году перевелся топографом в Енисейскую губернию, а в 1912–м перешел в Переселение (Сибирский переселенческий отдел в Томске) и работал до 1914 года».

Многочисленные поездки по разным районам Сибири дают возможность накопления богатой коллекции растений. Будущий сад мыслился, конечно же, не мичуринским участком сегодняшнего дня с его сверхзадачей – как бы посолить чего да сварить варенье на зиму. И даже не товарным садом, дающим классную продукцию в больших количествах для продажи оптом. Здесь мы имеем дело с идеей научного полигона, где концентрировались бы сибирские плодовые дички с целью сохранения, селекции (выведения новых культурных сортов, пригодных для

конкретной климатической зоны).

ПРАПОРЩИК 31-ГО СИБИРСКОГО

В августе 1914-го С.К. Майковский встает в строй 31-го Сибирского стрелкового полка, сформировавшегося в Томске. На верхнем снимке он первый справа, в первом ряду.

Семейный архив Майковских–Шкроевых хранит несколько фотографий нигде и никогда не публиковавшихся, из истории этого соединения в первую мировую войну, имевшую столь катастрофические последствия для России.

В начале 1915 года прапорщик Майковский был тяжело ранен осколочной гранатой в бедро, несколько недель находился между жизнью и смертью, затем – несколько операций в течение всего года. Станиславу повезло, что его ранило, когда госпитали еще были практически пусты, лекарств и бинтов в достатке, уход отменный и операции фронтовикам считали за честь произвести столичные светила хи-

рургии. Уже в середине 1915-го количество тяжелораненных возросло неимоверно, госпитали переполнились, началась девальвация рубля, и лекарства, ужасно подорожав, исчезли из больниц. А в 1916 году больные с аналогичным ранением практически не имели шансов выжить.

К тому времени Лидия оказалась без средств и переехала к Марусе в Томск. Положение семьи стало критическим: продукты очень подорожали, четыре человека жили на аттестат С.К. Майковского и не имели никаких других источников средств к существованию. Даже если бы он вернулся домой после ранения, едва ли бы смог помочь родным, будучи инвалидом со свежими, не зажившими толком ранами.

В это тяжелое время Мариамна не потеряла присутствия духа. Она пишет ободряющие письма мужу в госпиталь, посылает ему фотографии дочери, принимает решение найти хорошую работу, которая смогла бы прокормить их в тяжелое время

31-й Сибирский стрелковый полк отправляется на фронт. 1914 г.

М.С.Майковская с дочкой Галей. 1915 г.

и обеспечить достойное существование. Она пошла учиться. В тридцатичетырехлетнем возрасте, имея на руках ребенка и на иждивении сестру с сыном, она поступает в Томскую зубоветеринарную школу, которой заведовал тогда знаменитый врач-стоматолог Дмитриевский. Школа была платная, за слушание лекций и участие в практических занятиях взималось по 100 рублей за каждое полугодие. Как сказал однажды Соммерсет Моэм, профессия врача – единственная, которой можно начать заниматься в любом возрасте, не теряя надежды обеспечить себе средства к существованию.

В продолжение курса учения необходимо было участвовать в трехчасовом приеме больных не менее 100 раз, сделать в школьной лечебнице не менее 50 пломб, произвести не менее 30 экстракций и приготовить 5 протезов. За два с половиной года Мариамна окончила зубоветеринарную школу, а в 1920 году сдала все необходимые экзамены на звание зубного врача при Томском университете. Это помогло ее семье пережить тяжелое время гражданской войны и... все последующие нелегкие времена.

После госпиталя, с полученной инвалидностью, С.К.Майковский вернулся на передовую. Но уже не строевым офицером: он был назначен интендантом полка. Еще цитата из автобиографии: «После свержения царизма был выборным дивинтом (дивизионным интендантом) в 175-й пехотной дивизии, после Октябрьской революции выборным дивинтом в 5-й стрелковой дивизии. 13 марта 1918 года по возрасту демобилизован, прибыл в Томск. Был вызван в Енисейское переселенческое управление и назначен для обследования земель в Ачинскую земельную управу. Был мобилизован Сибирским правительством, но я уехал в район для окончания работ. 13-го июня (1918) мо-

билизован в Ачинске, не желая служить, получил командировку Земельной управы в Томск. В Томске был опять призван».

Итак, после четырех лет военной разлуки он не смог помочь своей семье и снова оказался на войне, теперь уже гражданской. Для строевой службы по-прежнему не подходил, по причине чего оказался полковым интендантом.

В сентябре 1919-го вернулся в Томск и... был тут же мобилизован в Красную Армию, – в командный запас РККА. 17 января 1921 года его первый раз арестовывает Губчека. Начиналась мирная жизнь, гораздо более опасная, чем фронт первой мировой, для человека с «белым» пятном в биографии, как у него. Однако, несмотря на что, С.К.Майковский принялся претворять в жизнь идею, которую вынашивал много лет.

САД-ПИТОМНИК МАЙКОВСКОГО

На отведение участка ушло несколько лет. В середине двадцатых Майковский заложил начало своему саду. К 1926 году по паспортизации здесь числилось фактически высаженного материала: яблони – 62, груши – 69, вишни – 79, крыжовник – 85, смородина – 94, слива – 100, виноград – 120, орех манчжурский – 114, ирга – 116, облепиха – 112, малина – 125, земляника – 131.

Разнообразие сортов было ошеломляющим. Только культурного винограда в саду имелось 14 сортов, в том числе «Буйтур» и «Северный черный». С.К.Майковский поддерживал дружеские связи с сотрудниками Ботанического сада Университета. Правда, среди бумаг не найдено документального подтверждения знакомства с П.Н.Крыловым, но многие тенденции, наблюдаемые в развитии сада, перекликаются с крыловскими идеями. К тому же ученица и последовательница Порфирия Никитича, Лидия Палладиевна

Сергиевская долгие годы была подругой Мариамны Семеновны, часто бывала в «шкроевском» саду вплоть до конца шестидесятых годов.

Началась работа по выведению новых сортов винограда и яблонь, над методами ускоренного формирования крон стелющихся яблонь. Это была работа черновая, кропотливая, каждодневная, не приносящая скорого результата. Была, кроме того, агрономическая служба, строительство дома, теплицы, поиск новинок растительного плодового мира Сибири, для каждой из которых в саду находилось место. Были вызовы в органы на допросы. К началу тридцатых годов на свободе не оставалось даже ездовых белой армии, и, в общем-то, Майковский не мог не понимать, что в любую минуту может последовать арест и его, не только «белого» офицера, но еще и «царского».

Яблони долго не живут. Это не дубы, не кедровые и даже не тополя. Их век короток, наверное, от того, что они слишком много отдают. Сейчас уже нет ни одного дерева из тех новых сортов, которые он успел получить. Первые результаты появились через десять лет после начала работы, в 1935–1937 годах. Но тучи катастрофически сгущались над головой. Его уволили, и он не мог найти себе работу. Дочь, Галину Станиславовну, отчислили из университета. Спасала частная стоматологическая практика Мариамны Семеновны...

В предчувствии ареста Майковский решает на отчаянный шаг: он находит работу в Ачинске и уезжает туда, передавая сад в руки зятя Алексея Ивановича Шкроева. Он отлично сознавал, что отъезд не спасет его самого, но надеялся таким образом отвести беду от семьи. Потом переселяется поближе к Томску, в Тайгу. Как ни странно, слабая и наивная надежда оправдалась: осенью 1937 года его забрали, но семью не тронули. Судьба его неизвестна. Мариамна Семеновна письменно обращалась с просьбой «поставить... в известность относительно местопребывания мужа» в различные инстанции, но безрезультатно. Хранил молчание Лаврентий Павлович, не удостоили ответом из Главного управления Лагерей, Прокурор РСФСР, Комиссия при Президиуме Верховного Совета СССР по рассмотрению заявлений о помиловании...

ВОЗМУЩЕНИЕ ПЛАНЕТ

Командировочное удостоверение: «Предъявитель сего Шкроев А.И., должность: астроном-геодезист, Северно-Сибирским Гос.Акционерным обществом «Комсеверпуть» командирован в Карс-

кое море»...

Алексей Иванович Шкроев родился 14 октября 1904 года в городе Каинске Томской губернии, в семье со старыми купеческими традициями. На фотографии он с матерью Валентиной Евграфовной Шкроевой. Начинать учиться в гимназии, а кончал уже советскую среднюю школу. В 1922 году становится студентом Томского университета по специальности «астрономия-геодезия».

Восхитительной, но не лишенной ошибок книге Витольда Славнина, которую мы уже упоминали, имеется фотография сотрудников и актива этнолого-археологического музея ТГУ за 1925 год, где присутствует и А.И.Шкроев. Там указано, что он «в последнем ряду, второй слева», на самом деле – в последнем ряду, но первый справа. Кстати, в семейном архиве отсутствует такая фотография, и никто не знал об этом увлечении Алексея Ивановича в студенческие годы. Зато известно, что он руководил физкультурным кружком университета, неплохо играл в большой теннис. Но самым большим его увлечением была астрономия.

Летом 1928 года А.И.Шкроев проходил летнюю практику в Пулковской обсерватории под руководством профессора К.Д.Покровского. В предисловии к отчету о летней практике он немного иронически замечает: «Свое пребывание в Пулково я склонен рассматривать как продолжительную экскурсию, так как то, что мне

**В.Е.Шкроева
с сыном Алексеем. 1905 г.**

приходилось там делать, можно было с наименьшим успехом исполнить в Томске; ценность же практики в том, что она позволила ознакомиться с жизнью и работой нашей лучшей астрономической обсерватории».

К окончанию университета он зарекомендовал себя настолько, что «Комсеперпуть» пригласил его в качестве астронома-геодезиста в научную экспедицию для прохождения по Северному морскому пути на шхуне «Зверобой». В письме к Галине Майковской в феврале 1930 года он пишет: «Они предложили поехать в Карское море, в широты 70–78 градусы, что в переводе на разговорный язык означает: 1000 верст севернее Полярного круга и столько же от полюса. Как бы я ни вертелся, а поехать все равно бы приш-

лось, а потому без лишних процедур я дал свое согласие, хотя отлично понимаю, что сгинуть там дважды два. Ребята, у которых милые детские мечты о путешествиях в неисследованные области, откровенно завидуют. Я же на вещи смотрю более трезво и заранее представляю неудобства и мытарства».

Сохранились астрономический и личный дневники Алексея Ивановича, которые он вел на шхуне «Зверобой» во время плавания. Кроме того – немало фотографических снимков. В Карском море были произведены необходимые геодезические съемки; 8 сентября «Зверобой» достиг Енисейского залива и здесь 17 сентября шхуна затонула у острова, не отмеченного на картах. Команда спаслась на этом острове, который впоследствии был назван остров Зверобой. А.И.Шкроев успел захватить с собой все бумаги с наблюдениями и даже сфотографировал момент гибели корабля. Эта фотография хранится в семейном альбоме.

После командировки в Карское море и проведения исследований на борту «Зверобой» научная деятельность Алексея Шкроева складывалась весьма успешно. Относительно публикации результатов в 1931 году у него завязывается оживленная переписка с Астрономическим институтом через ученого секретаря. Эти материалы впоследствии были опубликованы в трудах института.

В том же 1931 году он и Галина Станиславовна Майковская становятся мужем и женой, у них рождается дочь Лия. Молодой ученый продолжает подготовку диссертационной работы, она связана с изучением методов, применяемых для вычисления вековых возмущений небесных тел. Если орбита такого тела не вполне отвечает законам небесной механики, значит на него воздействует невидимое человеческому глазу другое небесное тело. Используя эти «возмущения», астрономы «на кончике пера» открыли нема-

Гимназист Алеша Шкроев. 1912 г.

А.Шкроев на шхуне «Зверобой». 1930 г.

Выставочный стенд урожая из сада Шкроева. 50-е годы.

по невидимых до поры до времени планет.

В середине тридцатых годов в Астрономическом журнале выходит статья А.И.Шкроева «Применение способа Альпарана к вычислению вековых возмущений Гектора (624) от Сатурна». Профессор Горячев квалифицировал данную работу на уровне кандидатской, да и сама кандидатская давно готова, близится срок защиты, но... вступили в действие темные силы не астрономического порядка, и траектория судьбы человека резко меняется. Шкроев не только не стал защищать диссертацию, забросив ее на дальние полки (вот уже почти 60 лет она там пылится), – в его бумагах исчезают даже намеки на вычислительные работы по астрономии, которые во множестве копились прежде, больше не покупается астрономических книг, не выписывается статей.

В этой полной отрешенности ученого от дела жизни, в той решимости, с какой отбывает он любое напоминание о нем, чувствуется огромная внутренняя трагедия. Нетрудно догадаться, с какого года А.И.Шкроев перестает заниматься астрономией, оставляя себе лишь педагогическую деятельность в Политехническом институте. Конечно, с 1937-го, когда был с соответствующей формулировкой арестован отец его жены С.К.Майковский, а перед ним закрыты все двери в большую науку. Более того, любой успех на этом поприще мог привлечь к себе внимание, не нужное семье репрессированного, обреч-

всем на лагеря и смерть.

В дальнейшем Алексей Иванович занимался многими делами. Кроме преподавания, у него была масса увлечений: садоводство и цветоводство, фотография, живопись – он недурно писал маслом картины, участвовал в создании первой телевизионной студии при Политехническом институте в Томске, был председателем Томского общества садоводов. Одним словом, человек этот обладал огромным творческим потенциалом, огромной энергией, которая требовала выхода и нашла его в массе любительских занятий, хотя, возможно, предназначалась для одного главного дела.

Тем не менее, достижения его и в любительском увлечении садоводством составили эпоху в Томске. Сад, уход за которым с тридцатых годов лег на его плечи, не зря называется «Шкроевским».

В 1951 году Алексей Иванович подытоживает работу, начатую С.К.Майковским, и публикует в Трудах Томского госуниверситета (т.114) небольшую статью под названием «Виноград в Томске». Через три года в Трудах ВНИИТОЛЕС появляется работа «Ускоренное формирование стланцев яблони в питомнике».

Пятидесятые годы совпали с расцветом сада Шкроева. Он неприменный участник ВДНХ от Томской области, неоднократный лауреат выставки. На последней фотографии – стенд с плодами урожая шкроевского сада. Такие осенние выставки про-

водились тогда мичуринской общественностью города в ДК ТЭМЗ или Ботаническом саду. На заднем плане видна большая картина с панорамой сада, написанная А.И.Шкроевым.

Сад Шкроева делается питомником и для интенсивно развивающегося в Томске мичуринского движения. Сам Алексей Иванович часто читал лекции, проводил на своем участке практические занятия с начинающими мичуринцами. И всегда совершенно бескорыстно, неизменно доходчиво и остроумно. Такие лекции обычно заканчивались чаепитиями, на которые славна была Галина Станиславовна. Энтузиазм и бескорыстие – вот неотъемлемая черта этой семьи на протяжении всех лет ее существования.

Умер Алексей Иванович в 1977 году, супруга пережила его на одиннадцать лет. В настоящее время сад принадлежит их дочери Лии Александровне Симаковой (Шкроевой). Он примыкает к зеленому острову, образованному Буфф-садом, садом юннатов и остается единственным местом в Томске, где ранним июньским утром еще можно услышать соловья.

Сергей ДАНИЛОВ.